

Собаки не летают

Рассказ

Наконец-то можно было лечь на приготовленный для него диванчик в кабинете главного врача деревенской больницы и попробовать уснуть. Стасу предложили переночевать здесь, потому что единственная одноместная палата оказалась занята лысым англичанином, которого вчера укусила какая-то ядовитая живность.

Кенийские медики, обрадованные нелишней суммой в долларах США, взялись за лечение расстройства желудка Стаса с энтузиазмом. Они порядком утомили его своей заботой. Но поставленной цели добились: Стасу стало лучше. Под конец процедур, узнав, что он не принимал перед поездкой средства от малярии, доктор настойчиво посоветовал какую-то современную таблетку. Недорого. Пришлось соглашаться и на это.

Как только Стас зашел в кабинет, вслед за ним туда ворвалась ватага чёрных мальчишек лет семи-восьми. Их одноклассникам в комнате по соседству медсестры заканчивали делать прививки. С криком "Джамбо", дети сначала тянули свои тонкие ручонки, чтобы пожать Стасу руку, а поздоровавшись, тут же принялись выпрашивать у него хоть что-нибудь.

Но у него ничего, кроме мобильного телефона и кредитки, не осталось, а с ними так просто Стас расставаться не планировал. Даже мелочи не было. Последние деньги он отдал за пилюлю против малярии, а самую последнюю пятидолларовую купюру подарил молоденькой кучерявой медсестре Зизи. На самом деле, звали её не так. Но настоящее имя было очень сложно выговорить, поэтому он звал её Зизи. Она откликалась, поджимала свои пухлые коричневые губы и смотрела на Стаса влажным долгим взглядом черных миндалевидных глаз.

Дети попытались самостоятельно компенсировать отсутствие подарков. Однако главный врач был человеком опытным – все дверцы в шкафчиках докторского кабинета оказались заперты на ключ. Тут же потеряв к Стасу всякий интерес, мальчишки рванули обратно в коридор. Как только шайка со смехом и криками удалилась из его импровизированной спальни, туда ворвалась испуганная Зизи.

- Извинить меня, мистер Стас. Надо извинить меня ты. - Она лепетала английские слова, опустив голову, глядя на коричневые кисти рук, ярко выделяющиеся на фоне её голубоватого халата.

- Я извинил тебя, а ты меня извини, тоже. Ты симпатичная, по-своему. Но, я, правда, спать хочу, я устал очень. Смотри, даже руку поднять не могу, – он приподнял руку и тут же, безвольная, она упала вниз. – А про всё остальное я и думать не могу.

На самом деле, сказанное не совсем соответствовало истине. Думать о прелестях Зизи он мог. Стасу было немного за тридцать. Внешне, он производил впечатление уверенного в себе мужчину, с легким прищуром весёлых серых глаз. Оставшееся юношеским любопытство и пряный африканский воздух будоражили воображение и возбуждали. Однако не настолько сильно, чтобы забыть об опасности – высокой вероятности того, что у Зизи, как и у огромного количества её земляков, может быть СПИД. Ещё до поездки Стас, на всякий случай, дал себе зарок не искать отношений с африканскими девушками.

Местный доктор заверил его, что все работники больницы проходят регулярные обследования и являются здравомыслящими людьми, чтобы не подвергать себя такой опасности. Но Стас не смог до конца поверить в слова доктора. А эмпирически доказывать или, не дай Бог, опровергать правоту доктора Флетчера, ему совсем не хотелось.

- Ты не понять. Я ошибаться, я дать два таблетки от малярия, но надо дать один. Дать два это плохо. Извинить меня, а то доктор Флетчер меня увольнять, если не извинить ты.

- Зизи, ты меня отравила, что ли? Получается, я тебя любить, а ты меня убить, так, Зизи? - попытался пошутить Стас. Он схватился обеими руками за свою недавно побритую голову и покачал ею из стороны в сторону.

- Нет, Господи, нет. Я звонить доктор Флетчер, он сказать, что опасность нет, но будет, может быть это..., - заикаясь, оправдывалась Зизи.

- Что это? Диарея? От неё я точно умру, ты же знаешь, через что я прошёл. Я больше не выдержу. Ты - убийца по неосторожности Зизи. – Стас продолжал поддразнивать её, раздраженный тем, что она поддается его глупому розыгрышу, и уже готова расплакаться.

- Нет, нет, это как его... Это когда видеть то, чего нет. Это может быть это..., - она тыкала в его сторону зажатой в руке аннотацией к таблеткам.

Он взял бумагу и попытался прочитать при тусклом свете настольной лампы.

- А! Галлюцинации! Ну, это ничего, от этого я не умру, это точно. Вот спасибо, удружила. Не зря я тебе пятёрку дал. Я тебя прощаю, дорогая и доктору завтра скажу, что прощаю. Но за вторую таблетку платить не буду. Ты поняла?

- Нет, не платить, нет. Спасибо мистер Стас. Спасибо. – Она схватила его руку и заглянула Стасу в лицо, её миндалевидные черные глаза снова влажно заблестели, а коричневые в маленьких складочках губы приоткрылись. Стас отстранился, аккуратно отцепил её руку, сел на край застеленного одеялом диванчика.

- Вали, вали отсюда. Не ломай кайф. Ко мне сейчас глюки придут. По крайней мере, в бумажке этой, написали, что могут. – Зизи шумно вытолкнула воздух носом, развернулась и вышла из кабинета, гордо унося рельефную фигуру прочь.

Стас наконец-то остался один и на всякий случай повернул и вынул из замочной скважины ключ. Положил его на стол рядом с диваном. Мобильный телефон зазвонил через несколько минут. К тому времени Стас уже успел уснуть. Не соображая, где он и что происходит, мужчина вскочил с диванчика, столкнув при этом зажжённую настольную лампу. Лампа упала и потухла, но в комнате темно не стало. Через раскрытое, зарешёченное окно туда проник лунный свет. Высокая полная Луна вступила в свои права, все предметы стали различимы, даже мелкие их детали можно было рассмотреть. Свет Луны преобразил атмосферу помещения, наполнил его голубоватым свечением и изменил цвет стен и пола.

Стас пока не мог заметить этой перемены, он судорожно схватил телефон. Просыпался уже в процессе разговора. Звонил его приятель Роман. Он опять начал извиняться за то, что они не забрали его этим вечером и ещё раз поклялся, что заедут за ним завтра утром, предварительно рассчитавшись в гостинице, и потом они сразу же выдвинутся на побережье.

Стас согласно хмыкнул в трубку. Однако изменение Роминой дикции и то, что Рома так и не вспомнил, что уже звонил ему сегодня, час назад, примерно с тем же текстом, заставило Стаса усомниться в том, что он увидит Рому и остальных в назначенный час. Ребята продолжали веселиться, отмечали встречу с земляком на чужбине. Одним словом, «отряд потери бойца не заметил».

Днём ранее, когда Стас был ещё здоров, официант в гостиничном ресторане сообщил, что один русский работает на экологической станции неподалёку, регистрирует численность грызунов и он весёлый парень. Тут же было решено ехать знакомиться. Земляк, который оказался белорусом по имени Сергей, искренне обрадовался нежданым гостям и тут же, как по мановению волшебной палочки, накрыл стол, чтобы отметить нечаянную встречу. Вот тут-то, Стас и отравился какими-то местными деликатесами, но это совершенно не помешало остальным, продолжать веселиться.

Стас вздохнул, только теперь он заметил, что лампочка разбилась, он поднял её и поставил на докторский стол, на всякий случай вытащил вилку из розетки.

Стас вернулся на свой диванчик и попытался уснуть опять. Но сон уже улетучился. Сначала Стас полежал с закрытыми глазами, конструируя в голове из самых неприятных слов фразу, которой он завтра встретит Романа. Одновременно пришло осознание того, что диван очень неудобный.

Уставшее, ноющее тело, никак не могло найти на нём позу, в которой ему удалось бы хоть немного расслабиться.

Вдруг Стас явно ощутил, что давление неровностей дивана на его бок уменьшилось. Совсем, правда, оно не пропало. Стас почувствовал странную раздвоенность: он лежал на диване и одновременно, как бы висел над ним. В то мгновение, когда он начал мысленно ощупывать свой опорный бок, давление на него увеличилось – тело начало возвращаться в своё нормальное положение. Как только Стас начал обдумывать произошедшее изменение и отвлёкся от внутреннего созерцания собственного бока, раздвоенность стала возвращаться, грозя полной потерей ощущения опоры. Какое-то время Стас напряжённо пытался водворить свой бок на бугристый диван.

Прежде испуга, пришло понимание нелогичности происходящего. Стас открыл глаза и тут он действительно испугался. Если верить глазам, то он парил сантиметрах в десяти над диваном. А в углах, освещенной холодным лунным светом комнаты, множились тени. Они выплывали из тёмных углов. Их можно было бы принять за женщин укрытых с головы до ног темно-синими покрывалами, если бы они не парили в воздухе, и сквозь них не было бы видно мебель.

В тишине ночи послышался едва ощутимый шепот десятков голосов, иногда прерываемый всхлипываниями и стонами. Тени начали двигаться быстрее. Звук шёпота усилился и стал походить на речитатив древнего заклатья, произносимого хором. Движение теней сначала напоминало броуновское: они металась по комнате. Потом стало понятно, что они искали чего-то или кого-то. Они заглядывали под мебель и за шкафы. И как только Стас подумал, что возможно, они ищут именно его, всякое движение в комнате замерло, призраки остановились, а затем медленно приблизились к дивану и обступили его со всех сторон. Хор шепчущих голосов запнулся и тут же возобновился, но вместо речитатива в ушах Стаса зазвучало: - Шштииффв ... сштиффв ... сстифф...

Тут Стас вспомнил признание Зизи, и понял, что это они - глюки. Не обманула бумажка. Стас немного успокоился, животный страх отпустил, но суеверный трепет остался. Сейчас Стас был скорее удивлён, чем испуган. Удивлялся он не этому театру африканских теней, которые к тому времени уже начали медленное движение против часовой стрелки вокруг его дивана, а тому, каким образом он сам ощущал происходящее в этой комнате. Его восприятие было ясным и трезвым, а вся эта чертовщина была неотличима от реальности.

Стас по натуре был экспериментатором и любителем повеселиться. Сочетание этих двух черт его характера обусловило наличие у него некоторого опыта в употреблении разного рода галлюциногенных препаратов. Однако то, что он испытывал сейчас, абсолютно не походило на

его предыдущий опыт. Никакого отличия от своего повседневного состояния Стас не улавливал. Голова чистая, мысли не путаются, зрение отчетливое, а вокруг - призрачная чертовщина.

- Ничего себе таблеточки, - подумал Стас, располагаясь поудобней в зрительном зале. – Надо бы бумажку с названием не потерять.

Скорость вращения черных фигур постепенно увеличивалась. Отдельные звуки слились в непрерывный шёпот. Лунный свет пронзал фигуры насквозь. Голубые искры вспыхивали под капюшонами накидок, постепенно вспышки растеклись по окружности и превратились в подобие сверкающего стальной обруча. Стасу казалось, что он чувствует поток рассеяемого обручем окружающего его воздуха. Но его волосы и ткань расстёгнутой рубашки были неподвижны.

Вдруг хоровод теней резко остановился. Раз, и всё замерло. Остался только шёпот, постепенно делающийся всё громче и громче, и вдруг высокий пронзительный голос выкрикнул его имя: - Стаасс!

Мужчина вздрогнул. Направление, откуда раздался крик, было неопределимо, он звучал одновременно отовсюду. Краем глаза Стас заметил движение, – с головы одной из фигур упала накидка, высвободив светлые пряди волос.

- Мама, - прошептал Стас.

Стасу тогда было десять лет. Декабрьским вечером он ждал родителей, стоя у окна в квартире своей бабушки. До Нового года оставалось пара дней. Стас уже вовсю чувствовал его приближение. Настроение было приподнятое и немного взбудораженное. Дело тут было не в подарках и не в «Новогодних ёлках», парочку из которых он уже успел посетить. В организации, где работали родители Стаса, профсоюз не зря ел свой хлеб. Кроме Ёлок и путёвок в санатории, у организации был свой пионерский лагерь. Зимой его предоставляли на выходные сотрудникам, желающим покататься на лыжах в соседнем лесу или просто провести пару дней на природе, отдохнуть от города. Праздновать приближающийся Новый год родители собирались именно там.

Семья была хорошая, дружная. Так сложилось, что Стас был единственным в ней ребёнком, зато в семье, кроме родителей, были две бабушки и два дедушки, а ещё бездетная папина сестра с мужем - программистом.

Родители были людьми очень занятыми, много работали. Отец почти всегда находился в дальних командировках. И ребенок, в конце концов,

привык обходиться без него. Но по маме Стас очень скучал. Она не ездила в командировки, однако приходила домой так поздно, что зачастую бабушка укладывала его спать раньше, чем мама возвращалась с работы.

Но этот Новый год и несколько дней после него Стас с родителями должны были провести вместе в зимнем пионерском лагере на краю заснеженного леса. Этот предстоящий праздник будоражил ребёнка и будил в нём радостные предчувствия. Стаса даже немного лихорадило в предвкушении этого события.

Родители вот-вот подъедут на недавно купленном, зелёном автомобиле «Нива». Переночуют они у бабушки, а утром, позавтракав вкусными бабушкиными оладьями, выдвинутся в сторону пионерлагеря. По дороге они будут петь песни, и рассказывать друг другу смешные истории. А может быть, родители привезут ему щенка? Мальчик мечтал о собаке, и мама с папой знали это. Так почему бы им не подарить пушистого вислоухого песика ему на этот Новый Год?

Но ни в этот Новый год, ни в последующие года собаку Стасу так никто и не подарил. Он не хотел её больше. Начиная с утра завтрашнего дня, много лет подряд мальчик просто хотел, чтобы мама не садилась в зелёную «Ниву», чтобы отец не покупал эту машину, чтобы отец потерял от неё ключи, чтобы отец выбрал другую дорогу, чтобы отец уклонился от того «Москвича», чтобы отец опять был в командировке, чтобы отец...

Но отец выжил, а мамы у Стаса больше не было.

- Мистер Стас, мистер Стас, просыпаться, просыпаться, уже полдень, - Зизи трясла Стаса за плечо. Он чувствовал это, понимал, что надо открыть глаза, но никак не мог этого сделать. Глаза не открывались, не желали открываться. Он ничего не мог с этим поделать до тех пор, пока Зизи не догадалась сунуть ему под нос ватку, смоченную нашатырём.

- Твою мать, гадость какая, - проворчал, распахнувший наконец-то глаза Стас. На самом деле он был рад, что ему всё-таки удалось открыть, ставшие вдруг чужими, глаза. Он был рад, что действие странной таблетки наконец-то закончилось, что загадочные тени ушли и больше не вернуться. Он надеялся, что не вернуться.

- Зизи, ты как сюда вошла, я же дверь запер?

- Доктор Флетчер оставить все ключи на рецепшен. Я ждать, ждать, а потом посмотреть, вдруг что...?

- А доктор? А почему тихо так, дети не орут?

- Доктор не прийти он заболеть, а больше нет, никого нет. Английский мужчина забрать друзья, а дети сегодня нет. Никого нет.

- А с доктором-то что случилось? Довели доктора своего, единственного? - погрозил пальцем Стас.

- Нет, не доводить, он грустить и пить алкоголь, много. Пять или меньше дней, а потом кончать грустить и не пить, пока снова не начать грустить, - вздохнула Зизи, протянула Стасу полотенце и пакетик с логотипом какой-то гостиницы, оказавшийся одноразовым набором с зубной щеткой.

- Слушай, Зизи, а мои не приезжали ещё?

- И не приехать до вечера, - улыбнулась загадочно девушка. На вопросительный взгляд Стаса, ответила, - я это точно знать. Сейчас нести завтрак.

Девушка шустро вышла. Вернулась через пару минут, неся в руках выдавший виды поднос. Не дав разгрузить его содержимое на стол, Стас схватил дымящийся стакан с кофе.

- Хороший кофе сварила, Зизи, крепкий, спасибо, - поблагодарил девушку Стас, пока он завтракал, девушка сидела на подоконнике, смотрела на него долгим взглядом и светилась загадочной улыбкой. Вдруг она встала, подошла к двери и закрыла её на ключ.

- Женщина, ты что делаешь? - задал совершенно излишний вопрос Стас.

Зизи повернулась к нему, сделала пару шагов. Остановилась. Начала расстёгивать свой халат. Улыбка сошла с её лица. Её глаза сделались глазами молодой кошки, высматривающей за окном пару слишком близко подлетевших птиц. Её коричневые, полные, губы приоткрылись, она облизнула их кончиком языка. Под халатом, кроме молодого, словно только что сотворённого из влажной глины тела, ничего не было. Тело это имело превосходные пропорции, тонкую талию, бёдра, возможно, были тяжеловаты, но Стасу это даже нравилось. А грудь..., она была высокая, не привычной, немного вытянутой формы, со смотрящими вверх маленькими коричневыми конусами сосков. Стас вспомнил, что читал однажды в каком-то описании "вопреки силе тяжести", это выражение подходило. Вопреки этой силе, немаленькая грудь девушки вздымалась вверх. От её взволнованного дыхания, грудь ходила ходуном.

- Зизи, не надо, я... же, говорил, - попытался воспротивиться Стас, но что он говорил, зачем он что-то говорил и кому, сейчас это не имело никакого значения. Он остро почувствовал, что слова вообще никакого значения уже не имеют. Осторожность тоже уже никакого значения не имеет. Ничего, кроме коричневого, молодого тела с пряным запахом самой Африки, значения уже не имело.

Девушка приблизилась к дивану, на котором всё ещё сидел Стас, и опустилась на колени. Мощными толчками билась кровь в венах, наполняя всю его сущность, биение чувствовалось даже в артериях на шее, бешено стучало в висках, кровь бросилась в голову, затуманила взгляд.

Шевелиться Стасу не хотелось. Ему было невыносимо шевелиться. Может быть, дело было в этих вчерашних таблетках, а может быть в том, что

шевелиться и не надо было. Девушка сама всё делала, так как нужно и тогда, когда нужно. Она словно считывала его желания и точно знала, чего он хочет в этот самый момент от неё. Стоя на коленях, она аккуратно, но проворно расстегнула его джинсы и стянула их вместе с нижним бельем. Её нежные бежевые ладошки прошлись от его бёдер и до груди, останавливая его дыхание на середине своего маршрута, и заставляя его терять связь с реальностью от желания овладеть ею прямо сейчас. Прерывисто ловя воздух ртом, он жаждал, чтобы на месте, уже ставших влажными ладошек девушки, оказались её гладкие бёдра ... Стас застонал, произнёс что-то бессвязное, и сам почти не заметил, как гибкое сильное тело девушки скользнуло наверх. Конус её правого соска прочертил прохладную прямую от его пупка до ключицы. В следующее, отдавшееся в их горячих телах сладкой дрожью, мгновение, Стас пробил барьер данного самому себе зарока...

Пару лет назад Стас бросил курить, но теперь затянуться сигареткой захотелось нестерпимо. Волшебница Зизи, выполнила очередное желание мужчины и раздобыла для него сигарету. Они сидели рядышком на лавочке перед входом в маленькую больницу. Стас жадно втянул сигаретный дым. Он напомнил ему, как мальчишками они с друзьями пытались курить кубинские сигареты «Партагаз», спрятавшись среди железных гаражей, недалеко от дома. От жёсткого дыма Стас почти закашлялся, как в детстве, но сейчас сумел сдержаться.

- Ты что-то положила в кофе, а Зизи? - предположил Стас.

- Это растения для мужской силы. Это хорошо, - беззаботно улыбаясь, ответила Зизи. Вид у неё был очень довольный.

- Зачем тебе это понадобилось, женщина? - Стас думал, что стоило бы разозлиться, но чувствовал только апатию, злость тоже затаилась где-то в уголке сознания, но она была направлена против Романа.

- Нужен ребёнок от белый мужчина.

- Зачем? - удивился Стас.

- Один важный человек говорит. Моей семье нужен ребёнок.

- Муж попросил? - пошутил Стас.

- Муж? - засмеялась Зизи, - Я нет муж, человек говорит с Великие Духи, они сказать, я сделать.

- Зизи, это чушь. Какое Духам дело до этого? А почему ты доктора своего не соблазнила, меня ждала?

- Ты не понять. Великие Духи здесь главный. Они сказать, нужен ребёнок от мужчина без другой ребёнок. Доктор Флетчер иметь ребёнок. Только он умереть и доктор грустить и пить.

- А может быть, у меня тоже есть другой ребёнок, или много других детей, дома? - уточнил Стас.

- Неет, у тебя нет ребёнок дома. Я знать. А теперь есть, - Зизи погладила свой живот и блаженно улыбнулась. - Не надо бояться. Ребёнок счастливый быть. Мне так важный человек сказать.

- Ага, - Стас обвел взглядом открывающийся с лавочки убогий вид: несколько покосившихся сараев, пара чахлах деревьев и куча какого-то мусора. Возможно, для местных это были ещё полезные вещи, сложно было сказать с уверенностью. Всё это стояло на красновато-оранжевом песке. Кое-где желтели островки высохшей травы.

- Бред, какой-то. Рома... сволочь, - пробурчал себе под нос Стас, а вслух спросил. - А от чего ребёнок доктора умер? Где, здесь в Африке?

- Нет, он умереть в Европа. Доктор вести машина и быть авария и ребёнок умереть. Доктор винить себя, бросать жена, приезжать сюда и пить. Жена приезжать его забирать. Жена не сердиться на доктор. Он её прогонять, она уезжать и он снова пить. Теперь пить меньше, гораздо меньше, Великие Духи ему помогать.

Стас затыкнулся, ставшим уже приятным густым дымом сигареты Зизи и закрыл глаза. Вот бы и ему, Стасу, помогли бы эти Великие Духи.

Рейс в Найроби был с самого утра. Стас укладывал вещи в любимый походный рюкзак, когда задребезжал домашний телефон. Звонила тетка, сестра отца.

- Стасик, солнышко, папе операцию назначили, через неделю. Ты бы приехал, - попросила она.

- Тётъ Галь, я не знал, я... попробую, - соврал Стас, на самом деле, он уже знал про операцию. Стас сам оплатил её. Но он твёрдо решил, что не поедет в больницу. Не потому, что нельзя было отложить свой африканский отпуск и не потому, что операция была не очень сложной. Если бы не кое-какие сопутствующие заболевания отца, то можно было бы сказать, что регулярная была операция. На самом деле, со дня аварии, уже больше двадцати лет, Стас всячески пытался не общаться с отцом. В детстве он винил его в смерти матери. Когда отец появлялся в квартире бабушки, где жил маленький Стас, ребёнок прятался под кровать и плакал. Потом начал запирается в ванной комнате. Даже засов там соорудил, после того, как бабушка сняла старый шпингалет. Уже не плакал - молчал.

Стас, конечно, понимал, что запирается нужды не было, отец не был навязчивым и не пытался применить силу. Он отлично понимал всю бессмысленность этого. С помощью силы доверия ребёнка было не возратить, но и никаким другим способом тоже не получалось наладить отношения отца и сына.

Подрастая, Стас научился понимать, что вины отца в том, что произошло в канун того Нового года не было. Он научился этому, как учится

попугай говорить какое-нибудь слово. Птица произносила слово, но конечно не осознавала его значения. Так было и со Стасом, он говорил себе, что простил, что и прощать нечего, ведь это случайность, а виноват не отец. Но говоря, как будто, не осознавал, что в действительности означают слова «простить и не винить».

Видеть отца, ему по-прежнему было сложно. Стас продолжал избегать встреч с ним. За всю свою взрослую жизнь и десяти слов ему не сказал. Это тяготило и самого Стаса, он хотел бы переступить через неприятие отца, но не мог себя заставить сделать этот шаг.

Чтобы как-то искупить свое молчание, Стас помогал отцу материально. Через бабушку и тётку он предлагал ему деньги то на ремонт машины, то на лечение. Отец не отказывался, брал, если была нужда. Всегда благодарил, передавая через родственниц записки.

- Сынок, ну ты уж приходи, пожалуйста. Что-то захандрил отец. Сердце, все-таки, - вздохнула тётка.

- Не волнуйся, тетя Галь, - всё хорошо будет, - успокоил её Стас.

Стас сидел один на лавочке, прислонившись спиной и затылком к тёплой стене больницы. Сияющая Зизи куда-то упорхнула. Стас вспоминал доктора Флетчера. Вчера он показался ему вполне жизнерадостным, подтянутым и довольным жизнью мужчиной средних лет. А оказывается, этот человек скрывал под аккуратной внешностью такую контуженую душу.

Он, Стас, отлично знал, как это может быть больно. Как непереносимо бывает жить с такой утратой, особенно, если ты гипотетически смог бы изменить это. Может быть, и не мог в момент трагедии, но раньше-то мог. Мог задержаться, поехать позже или, наоборот, раньше, или совсем не приезжать. Мог остановиться тут или не останавливаться там. Мог, как-то почувствовать, как-то понять и не оказаться в то время в том треклятом месте.

Стас видел страдания отца и понимал страдания доктора Флетчера. Он отметил про себя, что доктор запил, а отец - нет. Отец сумел сам справиться с утратой их обоих - и погибшей жены, и замкнувшегося в себе сына. Выходит, отец был сильнее. Только вот сердце, оно не справлялось, ему надо было помочь, операция должна быть через два дня. Господи, и как там всё будет?

Стас не в силах продолжать думать об этом, тупо уставился на парочку тощих воробьёв. Растрёпанные, они елозили в оранжевом песке, рядом с крылечком больницы. Откуда-то сверху с пронзительным чириканьем, спикировал ещё один, и тройца упорхнула со двора.

Стас поднял глаза и, вдруг, увидел перед собой двоих странно одетых, даже по местным меркам, мужчин. Один из них был старик в каком-то рубище из мешка. Поверх рубища была накинута шкура животного. В руке

старик держал кривой, отполированный посох. На загнутом верхнем конце посоха висел кусок выцветшей красной ткани, ожерелье из нанизанных на верёвку маленьких косточек, и высушенная тыква на цепочке из разноцветных бусин. Второй мужчина был молод. Он был одет в накиннутую на одно плечо не очень чистую простыню. Шкура животного у него тоже была – она его подпоясывала. Эти люди стояли очень близко, но Стаса, сидящего на лавочке, они, словно, не замечали.

- Почему же, отец, Великие духи не повелевают жизнями белых, также как они повелевают нашими? - спросил молодой собеседник.

- Жизнями белых повелевают Боги белых и их Демоны. А главный их Демон - гордыня.

- Но почему Великие Духи не низвергли Богов белых людей, почему не явили белым свою истинную силу?

- Карриоки, почему вода мокрая, а огонь обжигает? Не молчи, ответь мне, - строго спросил старец.

- Я не знаю ответа, отец.

- Ты его знаешь, и он очень прост: потому что Великие Духи создали их такими, - сердито объяснил старик.

- Ну, это понятно, а почему они создали их такими? Вот этого ответа я не знаю.

- Карри, ты расстраиваешь меня. Я ничему не смог научить тебя, - вздохнул старик.

- Отец не говори так, я ...

- На этот вопрос смогут ответить только сами Великие Духи. Но они не станут отвечать ни мне, ни тебе. Никому из нас, ни на один вопрос они не ответят никогда. Они не учителя нам, они наши Хозяева. Они приказывают, мы выполняем, мы не выполняем, они наказывают. Только так.

- Так почему же они не могут приказать белым?

- Белые не слышат их, и Великие Духи знают это.

- Но почему Великие Духи не наказывают белых?

- Великие Духи не наказывают без вины. До тех пор пока белые не слышат их приказов, они невиновны в их невыполнении. Разве можно наказывать собаку за то, что она не умеет летать?

- Да, это глупо, но это другое.

- Карри, ты разве не видишь разницы между наказанием за провинность и беспричинной расправой?

- Ну...

- Почему наказывают за провинность, ты понимаешь?

- Это просто, - кивнул парень.

- Суть же беспричинной расправы - гордыня. Собака упустила птицу, потому, что не взлетела вслед за ней, а ты остался голодным. Но ты не можешь смириться и пойти искать другую еду. Ты считаешь себя особенным, выше прочих, ты не должен голодать тогда, когда планировал быть сытым.

Но вдруг ты оказался также голоден, как последний нищий. Ты унижен. Кто-то должен ответить за это, ты идёшь и наказываешь собаку. Хотя взлететь за птицей она не способна, она не заслужила наказания. Зачем ты наказываешь её? Ты приносишь жертву Демону гордыни...

Стас ещё только начал размышлять, как могло случиться так, что эти люди говорят на понятном ему языке. Вдруг он почувствовал резкий запах нашатыря, которым Зизи смочила свою очередную ватку.

- Гадость какая! Опять, Зизи, в чём дело?

- Проснуться, проснуться, - трясла его девушка. - Слава богу! Проснуться. Мистер Стас нельзя спать сейчас. Это плохо.

- Что случилось, ты почему так орёшь, Зизи. Я не спал. Что плохо? Здесь были люди, где они? - спросил девушку удивлённый Стас.

- Ты спать, а спать нельзя. Это время для Духов. Не люди ты тут видеть. Ты видеть Духи. Надо много пить вода, - уверенно сообщила девушка и убежала за водой.

Утром следующего дня Стас заходил в салон самолёта, когда ему позвонил Роман.

- Слушай, чувак, ты где вообще? Мы приехали в этот клоповник, а тут никто ничего не знает. И доктора этого хрен найдёшь.

- Ром, а ты не опоздал на пару дней, в "клоповник" приехать?

- Да ладно, чувак, нас тут так вштырило не по-детски, так нарядно вышло ... потом расскажу. Говори, куда ехать?

- Не надо ехать, я домой возвращаюсь в самолёте сейчас. Операция у отца завтра, я, вроде, успеваю.

- Ты чо, чувак..., - начал Роман.

- Ром, почему всегда "чувак", ты имя моё забыл? - прервал его Стас.

- Да так, как то получается, просто. Ты же не хотел отца видеть. Вдруг передумал почему-то? - удивился Роман.

- Передумал, потому что "собаки не летают"... чувак.